

Зазеркалье.
Авторская рубрика
Зои
БОГУСЛАВСКОЙ

Продолжаем публикацию цикла эссе Зои Богуславской. Писатель Василий Аксенов, безусловно, остается вечным спутником советского и постсоветского интеллигента. Его читали и читают, ему подражали и подражают, и именно Аксенову удалось определить стиль целого поколения – тех, кого называли "внутренними эмигрантами". Зоя Богуславская написала об Аксенове и как о человеке, с которым дружит много лет, и как об одном из самых значительных писателей нашего времени. В принципе редко кому удается так органично совместить личные воспоминания и серьезный разговор о творчестве. Так что читатели больше узнают об Аксенове-писателе, и лучше поймут Аксенова-человека. Наши читатели ждут встречи с Олегом Меньшиковым, Аллой Демидовой и другими. Более подробно эссе З.Богуславской можно посмотреть в рубрике "Зазеркалье. Встречи" на сайте www.ozon.ru/zerkal

Василий Аксенов, как принято нынче говорить, – фигура культовая. Мало кто из здравствующих сочинителей столы рано овладел сознанием поколения. Его стиль общения, сленг, пришедший из "Звездного билета", "Апельсинов из Марокко", "Затоваренной бочкоты" и др., стал повседневностью в молодежных компаниях и любовной переписке 60 – 70-х, приkleился к целому журнальному клину устремившихся за ним молодых писателей.

Аксенов – художник. Он занимается именно художественным творчеством. В повествовании доминируют образность, изобразительность, парадоксальность, влекущие за собой интригу и поступки персонажей.

Несмотря на опыт репрессированных родителей, он не стал диссидентом, его сопротивление большему обозначалось на уровне стилистики и свободы поведения. Многое позже, вызвав на себя огонь хрущевского гнева на встречах с интеллигентами, он становится фигурой и политической. Под голубым куполом Свердловского зала проходит новый слом в его судьбе.

Теперь в его биографию вплетаются моменты гражданской позиции, несогласия с чем-либо. Он протестует против ввода войск в Чехословакию, высылки Солженицына, его многолетней противостояния цензуре увенчается созданием альманаха "Метрополь", позднее названного бастионом гражданского-этического неповиновения. Комментарием к сегодняшнему политическому курсу станет серия его острых выступлений в ведущих СМИ.

Как личность Василий Павлович Аксенов был сконструирован из первых впечатлений костромского приюта для детей "врагов народа", затем – Магадане, где поселился в 12 лет с высланной матерью, Евгенией Семеновной Гинзбург. По словам Василия Павловича, круг реальных персонажей "Круглого маршрута" (принадлежащего перу его матери) состоял из выдающихся людей того времени: репрессированных ученых, политиков, художников, образовавших своеобразный "салон", содержанием которого были рассуждения на самые высокие темы. Влияние этих рассуждений на детское сознание трудно измерить.

– Можно ли определить какие-то особые черты и генеалогии этого сообщества, естественных людей в неестественных обстоятельствах?

Аксенов полагает, что такое сообщество существовало в их доме и раньше, но в лагере духовная жизнь стала для интеллигентов единственным способом выживания.

– Еще в молодости, – поясняет он, – у мамы появилась склонность создавать вокруг себя своего рода "салон" мыслителей людей. Первый такой салон, в который входил выспанный в Казань троцкист профессор Эльзов, обернулся для мамы трагедией, стоил ей свободы. Читатель "Круглого маршрута" найдет такой гинзбурговский салон в лагерном бараке. В постлagerной салонке, в Магадане, возник еще один салон, уже международного класса... Советский юнец Вася Аксенов просто обделал в таком обществе: он никогда не предполагал, что такие люди существуют в реальной советской жизни. Мамин муж, доктор

“Почему я не пишу мемуаров”

Культура. – 2001. – 18–24 окт. – с. 12

Встреча четвертая. Василий Аксенов

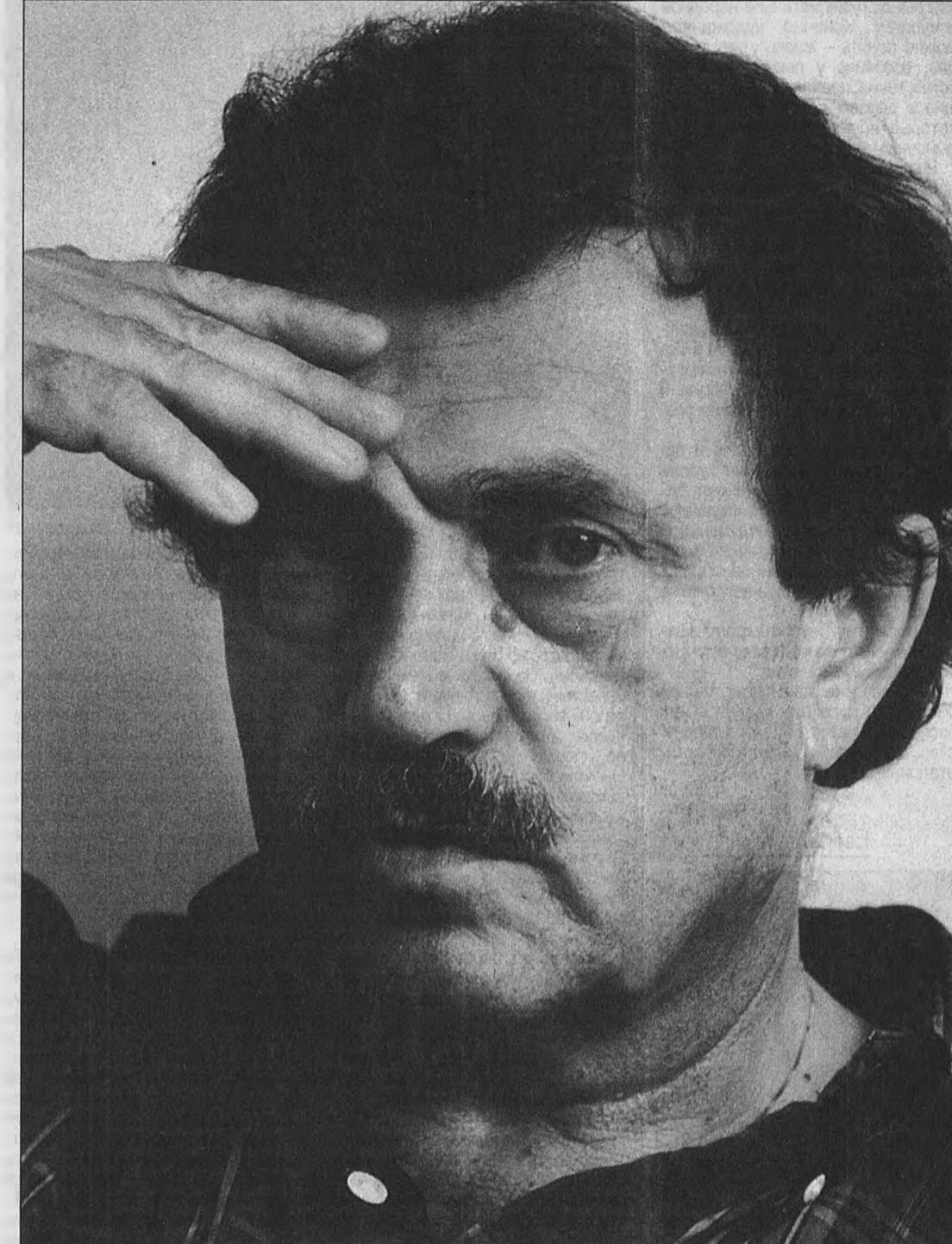

Фото М.Левина

влюблен, чем в свою постоянную красоту.

Аксенов – джентльмен. Он одевается модно, изысканно, ощущается его любовь к фирменным вещам. Рубашечку с маленьким отложным воротничком он подберет в тон шарфа, свитер, серый, голубой, чаще одноцветный, разнообразные куртки на пуговицах, молниях, спортивного покрова сидят на нем с легкой небрежностью. Как и герой его повестей, он пропустит даму вперед, он успеет поднести зажигалку, когда она закурит, ринется в драку, если столкнется с хамством.

Однажды в пору нашей "Юности", во время вечерней прогулки в Переделкине затеялся откровенный разговор, и я спросила Аксенова,

как он относится к той брюнетке со светло-голубыми глазами, которая частенько стала с ним появляться. Он ответил: "Конечно, я сильно увлечен, и она тоже, но она жена моего друга, поэтому быть ничего не может". Вот так. У него и тогда были моральные принципы. Сегодня, увидев симпатичное существо женского пола, Василий Павлович начнет улыбаться, появятся острота и яркость речи, цепкая внимательность взгляда, но это уже, скорее, как автора "Кесарева свечения".

– Я вообще-то в большой степени феминист, – признается он, – давно пора, мне кажется, обуздать зравившихся мужиков и открыть новый век мatriархата наподобие нашего блистательного XVIII.

Одну из своих пьес Аксенов целиком отдал женским персонажам, "Лизиатра" (?) (парафраз Аристофана), где действие отдано только персонажам женщинам. Представительницы прекрасного пола, названные именами близких знакомых, обладают разнообразием характеров, однако сплачиваются, чтобы захватить или удержать власть.

– Почему сегодня забросил драматургию?

– Всего я написал на данный момент восемь пьес; это целый театр. Театр, который остался практическим невостребованным существующими профессиональными подмостками. Почему они меня не ставят, чорт их знает. Для них важнее в очередной раз перевезжать Чехова. Одни жуют его левой стороной рта, другие – правой, третьи – крошают речами. Так или иначе, мой театр существует в глубине моего романа, и таким образом он создает для меня атмосферу постоянной премьеры.

Замечаю, что два его "хита" – "Всегда в продаже" и "Затоваренная бочкота", блистательно сочиненные им вместе с Современником, – поминаются довольно часто и сегодня. Говорю, что две знаменитые пьесы – уже достаточно для своего театра.

– Трудно писать пьесы? Как рождаются стихи? Так же, как текст прозы?

– Не уверен, что могу убедительно ответить. Почему какие-то куски сочинительского процесса обретают театральные формы, а другие стараются влезть в жесткую сетку рифм и ритмов? Дело может быть в том, что я работаю в основном в самом молодом жанре словесного искусства, в романе, которому, возможно, приходит конец. Быть может, о нашем времени будут говорить: "Это было еще тогда, когда писались романы". Что касается поэзии, то она, конечно, является древнейшим и вечным жанром словесности. Человек еще в пещерах начал что-то бормотать, заниматься камплиями, творить мифы, от этого он не откажется до скончания дней. Театр, маски, мизансцены возникли сразу вслед за этим. Этот жанр тоже отличается исключительной живучестью в той или иной степени отразились в образе моей основной лирической героини, которая кочевала из романа в роман. С возрастом и с накоплением писательского опыта я стал чаще отходить от этого образа. В "Московской саге" читатель находит различные женские типы, не имеющие отношения к моей личной лирике. Там есть героини старые, больные, нелепые, и я в них не меньше

– Считается, что каждый состоявшийся роман (в данном случае любовное приключение) может стать воротом увлекательных страниц. Это верно, но к этому можно добавить, что несостоявшееся любовное приключение может стать воротом еще более увлекательных страниц. Вот эти "состоявшиеся" и "несостоявшиеся" женщины в той или иной степени отразились в образе моей основной лирической героини, которая кочевала из романа в роман. С возрастом и с накоплением писательского опыта я стал чаще отходить от этого образа. В "Московской саге" читатель находит различные женские типы, не имеющие отношения к моей личной лирике. Там есть героини старые, больные, нелепые, и я в них не меньше

– В Штатах: преподавание в университете, сочинительство. Пожалуй, ты один из немногих, у кого здесь сложился имидж не только писателя, переводчика и драматурга. Несколько вещей, как известно, написаны тобой по-английски. Помню, как еще до отъезда ты переводил "Рег-тайм" Доктора для журнала "Иностранная литература".

– Я отдал 21 год жизни "американскому университету", точнее, преподаванию русского и своей собственной философии мальчикам и девочкам (иного и почтенного возраста) из разных штатов и стран. Университетский кампус для меня – самая естественная среда, но сейчас я уже подумываю об отставке. Где буду проводить больше времени, еще не знаю. Надеюсь, на родине все-таки не вырастет снова тот спающийся, что когда-то дал мне пинок в зад.

– Если бы ты не писал, то что бы делал?

– Не знаю, что бы я делал, если бы не писал. Честно говоря, даже не представляю себе такой ситуации.